

Академия

неортодоксального поведения

Татьяна Гринденко: «Я чувствую себя проводником звука»

Ольга Романцова

Татьяна Гринденко – известная скрипачка и руководитель сразу двух ансамблей «Академия старинной музыки» и «Opus Posth» – не в первый раз рушит стереотипы и стремится к переменам, забывая о прежних достижениях. Впервые это произошло, когда, закончив Московскую консерваторию и получив премии нескольких международных конкурсов, в том числе им. Чайковского, Гринденко стала выступать с рок-группой «Бумеранг». Она играла на скрипке с электронным усилением, была звездой авангардных перформансов и не обращала внимания на статьи музыковедов, писавших о ее творческой деградации. Следом неожиданно появилась «Академия старинной музыки» – один из первых ансамблей, исполнявших в аутентичной манере музыку Ренессанса, раннего барокко и современную. На днях «Академии старинной музыки» исполняется двадцать лет. По этому случаю корреспондент «НГ» и встретила с Гринденко.

– **Татьяна Тихоновна, почему вы – человек, воспитанный в академической традиции, стали играть в рок-группе?**

– Я пришла в Музей Скрипки и вдруг услышала доносящийся издали звук необыкновенной красоты. Я пошла на этот звук и увидела ансамбль «Бумеранг», репетирующий в Электронной студии. Я была просто потрясена: стало ясно, что мир звуков, в котором я была воспитана, отжил свое. Сейчас я понимаю: если человек не владеет техникой красоты своего времени, ему никогда не понять смысл красоты прошлого. А тогда решение было принято

абсолютно интуитивно. Этот шаг меня просто спас. Прежде всего от карьеры академического исполнителя, связанного таким количеством условностей, что в принципе не способного ничего делать свободно. Рок-музыка меня внутренне раскрепостила. Академический музыкант, как правило, не выходит за

«Бумеранга» мы играли ренессансные танцы на электронных инструментах. «Академия» появилась не сразу. Сначала мы играли старинную музыку с Алексеем Любимовым, объездили почти всю страну, таскали вдвоем его клавишин. Иногда с нами выступал мой брат Анатолий Гринденко (играл на вио-

«Академии старинной музыки».

– **Публика сразу приняла вашу манеру исполнения?**

– К нам привыкали с трудом. Помню, в Архангельске на одном из концертов к нам с безумными глазами влетел директор филармонии: «Кто вам разрешил так играть? Кто вам раз-

ных трактатах. Важно понимать, какие представления о красоте были в ту эпоху. До сих пор у меня в классе всегда есть альбомы. Новым людям я обязательно показываю репродукции картин и старинных гравюр, переводя ритм живописи в ритм музыкальный. Одно без другого существовать не может. – **Несколько лет назад вы создали группу «Opus Posth». Вместе с музыкантами «Академии» в черных балахонах и масках играете современную музыку. С чем связано появление новой группы?**

– Во-первых, надо жить, ни-когда не повторяясь. Во-вторых, находиться в соответствии с той ситуацией, которая складывается в данный момент. С Академией можно было спокойно дожить до старости, играя Баха, Телемана, Монтеверди. Но невозможно повторять одно и то же. Сейчас происходят изменения в исполнительской традиции. Закончился один виток культуры и начинается другой. Я очень остро чувствую это. Приведу простой пример. Играя «Tabula Rasa» Арво Пярта с Гидоном Кремером и с его оркестром, я выхожу на сцену как исполнитель. Весь наш вид как будто говорит: «Смотрите, два мастера вышли на сцену и сыграют замечательную музыку». Когда я играю то же произведение со своим ансамблем, возникает совершенно другая картина. Скрипачка Татьяна Гринденко больше никого не интересует. С закрытым лицом, я чувствую себя не исполнителем, а проводником звука. Играя, мы думаем о музыке, а не о том, какое впечатление произведем на публику. И от этого меняется даже качество звука. Все звучит абсолютно по-другому. У меня такое ощущение, что сейчас мы выходим в совершенно другое измерение и пытаемся нащупать какой-то новый путь. ■

Татьяна Гринденко спаслась от академизма.

Фото Павла Корбута

рамки тех представлений, которым его обучают. Без «Бумеранга» не было бы «Академии старинной музыки».

– **Как произошел переход?**

– Случилось еще одно событие. Мне дали послушать «Страсти по Матфею» Баха в исполнении Арнокура. Я пережила настоящий шок, потому что поняла: все, чему меня учили, – абсолютная неправда. Я перестала играть на скрипке. Года три не издавала на ней вообще ни одного звука. Построила несколько старинных музыкальных инструментов, играла на них и начала жизнь сначала. Одно время занималась и электронной и старинной музыкой. На концертах

ле да гамба), иногда флейтист Олег Худяков. Потом мы стали приглашать других. С нами играл Юрий Башмет, виолончелист Михаил Мильман, скрипачи, которые потом стали «Виртуозами Москвы». Но они так и не смогли перейти от академической музыки к старой. Тогда мы собрали тех, кто любил старую музыку и хотел экспериментировать. Так появился первый, очень разношерстный состав нашего ансамбля. Мы вкалывали сутками, ездили за свой счет на концерты в Киев и в Ереван. Потом выиграли конкурс в филармонию. Долго не знали как назвать ансамбль, а потом я подумала: что тут мудрствовать? Пусть будет

решил так одеваться? Объяснитесь с публикой». Я после антракта вышла и, прежде чем играть дальше, стала объяснять идею. Помню, задали вопрос: «А почему вы плящете, когда играете?» Сейчас никого не удивляет, что мы двигаемся, повторяя естественное движение музыки. Тогда публика воспринимала академического музыканта как застывшую на сцене статую, которая может только шевелить руками.

– **От чего зависит аутентичность исполнения?**

– Если говорить о старой музыке, она связана не только с точным прочтением текста и умением следовать правилам игры, описанным в музыкаль-